

Человек с древнейших времен пользовался режущими и сверлящими инструментами. Первоначально эти орудия изготовлялись из камня, а затем — из металла. Например, по данным археологии, египтяне уже 6000 лет назад для ломки кварца употребляли пилы и сверла с зубьями из корунда и драгоценных камней [Липс 1954: 155]. У современных нам первобытных народов и теперь еще встречаются каменные пилы, в точности похожие на пилы, обнаруженные при раскопках доисторических свайных построек в Швейцарии. Такие пилы состоят из деревянного основания с вставленными в него каменными осколками [Липс 1954: 129]. Наука не располагает данными о существовании каменных пил на территории России. Народы, населявшие черноземно-лесную полосу, в качестве строительного материала использовали лесоматериалы, поэтому вряд ли они пользовались каменными пилами при заготовке и обработке дерева. Просто лесоматериал, особенно сырой, невозможно распиливать каменными пилами. Но зато известно о наличии металлических пил среди населения Древней Руси.

Пилы по дереву в Древней Руси были широко известны и применялись плотниками и столярами. Коллекция древнерусских пил в настоящее время насчитывает более 35 экз. Большинство из них найдены в Новгороде — 21 экз. Наиболее древние их экземпляры обнаружены там же в слоях середины X в. При лесозаготовках и производстве досок до конца XVII в. применялся исключительно топор, доски тесали.

Пилы были двух типов: ножовки для поперечного пиления дерева, а также и кости. Полотно пилы делалось плоским толщиной около 0,25–0,3 см. Зубья имели треугольную форму и всегда разводились. Заточка режущей кромки зубьев производилась так же, как и в настоящее время. Деревянная рукоятка насаживалась на черенок, являющийся прямым продолжением полотна (как у напильника) [Русь 1985: 256].

Пила поперечная обычно состояла из тонкой длинной стальной пластины (полотна) с округло-выпуклым режущим краем. У боковых краев пилы укреплялись под прямым углом к пластинке два вертикальных заостренных стержня или обоймы для деревянных рукоятей. На рабочем краю пилы делались зубья, острые края которых и распиливали дерево. Зубья пилы для большей эффективности в работе устанавливались не в одной плоскости, а разводились, то есть поочередно каждый зуб отклонялся один в одну, другой в другую сторону по отношению к плоскости пластины. Поперечной пилой работали двое. Пилы появились в крестьянском быту не раньше XIX века. При отсутствии пилы обходились топором. В тех районах, где среди крестьян выделились профессионалы-плотники, пилы стали применяться значительно раньше. Прежде всего начали пользоваться поперечными пилами для распиловки бревен или досок поперек. Продольные пилы, требовавшие более сложных приспособлений, стали употребляться несколько позже. В первой половине XIX в. в крестьянских постройках преобладал рубленый лес даже в тех районах, где пилы для других работ уже употреблялись.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 05-06-80461.

Лучковая пила состояла из полотна – узкой мелкозубчатой стальной ленты, концы которой вставлялись и закреплялись в прямоугольной деревянной раме – лучке. Лучок составлялся из двух параллельных планок, соединенных в средней части подвижно одной деревянной же поперечиной. В концах параллельных планок с одной стороны укреплялось полотно, а другие концы связывались веревкой, которая могла по мере надобности отпускаться или натягиваться. Для зажима концов пилы на двух концах планок имелись специальные винты, укреплявшие неподвижно концы полотна в раме. При вставлении полотна в раму концы планок могли раздвигаться, после укрепления пилы в раме противоположные концы планок туго скреплялись веревкой, которая закручивалась деревянной палочкой. Иногда рама лучковой пилы делалась железной, с рукоятью, нож укреплялся в ней наглухо клепками. Лучковая пила была приспособлена для работы одного человека. В отличие от поперечной пилы зубья лучковой пилы имели наклон в одну сторону.

Пила-ножовка по форме представляла собой широкий нож с деревянной рукоятью с одного конца. Пластина ножа суживалась к концу и расширялась к ручке. Зубья, как и у лучковой пилы, были более мелкими и имели наклон в одну сторону. Маленькие пилы типа ножовки или лучковой применяли для более мелких и тонких работ, как, например, вырезание подзоров и прорезей для украшения отдельных частей дома или обстановки его.

Во второй половине XIX в. у специалистов-плотников широко вошли в употребление продольные пилы для распиловки бревен на доски. Они делались больше поперечных пил, повторяя их по форме. Отличались они рукоятями. Подобными пилами работали всегда двое (в четыре руки), поэтому с каждого конца пилы укреплялась парная рукоять в виде зажима, одевавшегося только во время работы. Зажим этот назывался булкой. Он делался из куска дерева, имел пару выступавших круглых рукоятей и щель с зажимом для укрепления конца пилы [Безжович и др. 1959: 111–112].

Нам представляется, что восточные финны, в частности, удмурты, пилами начали пользоваться относительно поздно. Об этом говорит отсутствие ее собственного названия. Историки хотя и писали о том, что пилы появились в крестьянском быту у русских крестьян не раньше XIX века, но памятники удмуртской письменности удмуртские названия пилы фиксируют уже со второй половины XVIII века: вначале фиксируется название, пришедшее из татарского языка, а затем – из русского. В "Сочинениях, принадлежащих к грамматике вотского языка" (1775 г.) татарское название пилы приведено в форме *быцки* [Соч., 34]. В слове *быцки* удмуртский звук *ч* обозначен буквой *-ц*. В конце слова на месте *-ы* обнаруживаем букву *-и*, что говорит о том, что данное слово написано русскоговорящим автором. В удмуртском языке нет говора, где бы это слово произносили с конечным гласным *и*. В словаре З. Кротова, составленном на десять лет позже, это слово отсутствует. Но зато автор словаря приводит другое название пилы – *пила* [Крот., 168], которое, несомненно, является русским заимствованием. Фиксация татарского и удмуртского названий пилы в 1775 и 1785 гг. не говорит еще о том, что в быту удмуртских крестьян повсеместно появилась пила. В "Словаре татарских заимствований в удмуртском языке" Шандора Чуча мы не обнаруживаем динамику фиксации татарских на-

званий пилы в удмуртских письменных источниках по той причине, что автор для составления своего словаря не обрабатывал связные тексты, появившиеся на удмуртском языке. В качестве первоисточников он использовал в основном словари и научные труды, в которых содержится указание на татарское происхождение того или иного удмуртского слова [Csúcs 1990].

Мункачи ограничился подачей татарского названия – *бъчкъ* с пометой “казанский диалект” [Munk., 618]. Вихманн включает в свой словарь как русское, так и татарское название пилы: в глазовском диалекте – *тила* [Wichm., 196], в елабужском и малмыжско-уржумском диалектах – *бычкы*, уфимском – *бъс'къ*, малмыжском диалекте – *бычкы* [Wichm., 25]. Борисов татарское название пилы отдельной словарной статьей не выделил, поместил в один ряд с названием русского происхождения. Сделал помету, что *пичкы* и *быськы* являются словами татарского происхождения. Подобной пометы к слову *тила* он не сделал, видимо полагал, что это слово имеет прозрачную этимологию [Борисов, 220].

В Среднем Поволжье и Предуралье относительно названия пилы выделяются регионы с функционированием наименований русского и тюркского происхождения: в северных говорах удмуртского языка, в коми и мордовских языках употребляется слово *тила*, а в южных говорах удмуртского языка и восточном диалекте марийского языка используется слово *бычкы*.

М. Фасмер считает, что в славянских языках название *пилы* заимствовано из древневерхненемецкого языка *fila*, *fihala* ‘напильник’. Отсутствие звука *f* в древнеславянском языке отразилось в усвоении его через звук *n*. [Фасмер III, 261]. Вполне допустимо, что сам инструмент напильник преобразился в пилу в результате укрупнения его боковых трущихся частей.

Удмуртское название пилы *бычкы* заимствовано из татарского языка. Слово *бычкы* образовано от глагола *тыч-* / *быч-* ‘резать, разрезать, кроить’ путем присоединения к нему словообразовательного суффикса *-кы*. В татарском литературном языке это слово употребляется в форме *тычкы*, в башкирском – *быскы*, в восточно-марийском – *тиске*. [Федотов I, 409]. Нам представляется, что в восточно-марийском языке *тиске* является башкирским заимствованием.

Список литературы

Бежкович и др. = Бежкович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К. Хозяйство и быт русских крестьян // Памятники материальной культуры. Определитель. М.: Сов. Россия, 1959.

Борисов – Борисов Т. К. Удмурт кыллокам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. 384 с.

Крот. = Кротов З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995. 308 с.

Липс = Липс Юлиус. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1954.

Русь = Древняя Русь. Город. Замок. Село // Археология СССР. М.: Наука, 1985.

Соч. = Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 15 + 113 + 17 с.]

Фасмер = Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Том III. М.: Прогресс, 1971. 827 с.

Федотов = Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Чебоксары, 1996.

Munk. = Munkácsi B. A votják nyelv szótára / B. Munkácsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l.

Wichm. = Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987.

Csúcs = Sandor Csúcs. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1990. 306 l.

ПІЛА

